

Натюрморт с воздушным шариком

К чему мне в смертный час
возврат воспоминаний?
Устрою-ка возврат
потерянных вещей.

Давайте дружно, чемоданы,
зонты, перчатки, шапка, плащ,
чтоб я сказать могла:
Ни к чему все это.

Булавки, гребни и расчески,
цветок бумажный, нитки, нож,
чтоб я сказать могла:
Ничего не жалко.

Где б ты ни был, ключик,
скорее возвращайся,
чтоб я сказать могла:
Ржа и тлен, мой милый.

Осядет туча справок,
анкет и пропусков,
чтоб я сказать могла:
Солнышко заходит.

Часы, со дна всплывите,

в руку мне ложитесь,
чтоб я сказать могла:
Не обманешь время.

Еще найдется шарик,
ветром унесенный,
чтоб я сказать могла:
А детей-то нет.

Улетай в окошко,
лети себе по свету,
пусть кто-то крикнет: О!
чтоб я смогла заплакать.

Музей

Есть тарелки, только нет аппетита.
Кольца есть, да нет взаимного чувства –
так уже три сотни лет.

Есть веер – где румянец?
Есть шпаги – а гнев?
И лютия даже в сумерки не тренькнет.

Хватившись вечности, собрали
тьму-тьмущую старья ихлама.
Кощей-смотритель дремлет чинно,

усы развесив над витриной.

Металлы, глина, птичьи перья

ликуют тихо, век отмеря.

Хихикает лишь крючок, на котором истлел пересмешник.

Переждала главу корона.

С десницей справилась перчатка.

Нога ботфорту проиграла.

Что до меня – жива, поверьте.

Всё с платьем наперегонки.

Как платью сдать ся не с руки!

Как избежать мечтает смерти!

Рубенсовские женщины

Исполинши, бабская фауна,

как грохот бочек нагие.

На растерзанных ёрзают ложах,

рты во сне разинув для песней.

Зрачки их закатились внутрь

и проникают глубины желёз,

откуда в кровь сочатся дрожжи.

Дщери барокко! Прет из кадки тесто,

в купальнях пар, горят румянцем вина,
по небу скачут тучки-поросята,
и трубы по тревоге будят плоть.

О, необхватная чрезмерность,
вдвойне от совлечения покрова,
втройне от недвусмысленности позы,
похоти жирные яства!

Худышки-сестры встали раньше,
еще рассвет не брезжил на картине.
Никто не видел, как они гуськом
брели по незаписанной изнанке.

Изгои стиля. Ребра все по счету,
ступни и кисти будто птичьи.
Идут на взлет, лопатки оттопырив.

Дученто фон дало б им золотой.
Двадцатый век – серебряный экран.
В семнадцатом нет ничего для плоских.

Поскольку сами небеса объемны,
пухлявы ангелы, рельефен даже бог –
усатый Феб, на потном жеребце
въезжающий в кипение алькова.

Баллада

Про убитую баллада,
ту, что вдруг восстала с кресла.

Всё изложено на совесть,
на бумаге, словно повесть.

Дело при открытых окнах,
на свету имело место.

Каждый видел, кто хотел.

Только выбежал убийца,
затворились только двери,
встала – так встают живые,
тишиной пробуждены.

Встала, головою вертит
и стеклянными глазами
по углам незряче водит.

Не по воздуху летает,
а ступает твердо на пол,
по скрипучим бродит доскам.

Что осталось от злодея –
фотоснимка ли клочок,

обувных шнурков моток —
в печь бросает, не жалея.

Нет, ее не задушили.

Нет, ее не застрелили.

Умерла она незримо.

А снаружи как живая:

из-за пустяков рыдает,

или вовсе завизжит,

мышь заметив.

Если надо,
слабостей, капризов массу
без труда изобразит.

Встала, как встают другие.

Ходит, как другие ходят.

Напевая, гребнем водит —
волос-то растет.

Движение

Плачешь тут, а там танцуют.

Прямо там, в твоей слезе.

Там забавы, там веселье,

ни забот им, ни хлопот.

Чуть ли не зеркал мерцанье,

чуть не язычки свечей,

и почти что анфилады.

Где-то жест, как бы манжет.

Водород, шалун неверный.

Хлор да натрий – сорванцы.

Хоровод с азотом-франтом

то опустится, то взмоет,

то под куполом кружится.

Плачешь тут на радость им.

Eine kleine Nachtmusik.

Кто ты, прелестная маска.

Впечатления от театра

Для меня самый главный в трагедии акт – шестой:

воскресают убитые на театре военных действий,

поправляют парики, одежды,

из груди выдергивают нож,

от петли освобождают шею,

становятся в ряд с живыми,

к публике передом.

Одиночные и общие поклоны:

приложить ладонь к сердечной ране,

сделать книксен, прежде утопившись,

головой кивнуть, снесенной с плеч.

Поклоны парные:

идут под ручку ярость со смиреньем,
блаженно палачу в глаза глядит казненный,
бунтарь без обид шагает бок о бок с тираном.

Попирают вечность носком башмачка золотого.

Отгоняют мораль широкополой шляпой.

Неизлечимо готовы назавтра начать сначала.

Выходят гуськом умершие много раньше:

в третьем акте, в четвертом, а иногда и в антракте.

Чудесное явление без вести пропавших.

Мысль, что за кулисами они терпеливо ждали,

не снимая костюмов,

не смывая грима,

волнует меня посильней трагедийных тирад.

Но всерьез возвышает то, как падает занавес,

и то, что в щёлку можно разглядеть:

там за цветком поспешно тянется рука,

другая меч хватает обронённый.

И лишь тогда невидимая третья

свой Долг исполняет:

сжимает мне горло.

Луковица

Дело другое луковица.

Нет у нее нутра.

Вся насквозь она луковица

до лукомного ядра.

Лукоподобная сверху,

лукичеватая сбоку,

могла бы в себя смотреться

без страха и упрека.

В нас отчужденность, ярость,

едва прикрытая кожей,

геенна в нас гниенья,

анафема анатомии,

а в луковице луковица,

не кишечник скукоженный.

Вот она, многожды голая,

до глубин итотуподобия.

Нет в луковице разлада,

заложен творцом повтор.

Все просто: в одной вторая,

меньшая в большей, так надо,

а далее, в новом круге,

чревата третья четвертой.

Центростремительность фуги.

Эхо, сведенное в хор.

Луковица, как здорово:

Где сыщешь такой живот!

Весь обернувшись нимбами,

во славе ныне грядет.

В нас – нервы, хрящи и вены,

сало и всякие сальности.

И не дано нам изведать

идиотизм идеальности.

Ненависть

Посмотрите, в какой она форме,

как хорошо сохранилась

ненависть в нашем столетии.

Как без труда берет она барьеры.

Как ей легко рвануться и настичь.

Не то, что другие чувства.

И старше она их, и младше.

Сама порождает причины

себе пробудиться к жизни.

Заснет порой, но этот сон не вечен.

А бессонница ей только на пользу.

Религия, не религия –

так, упереться коленом на старте.

Родина, там, не родина –
лишь бы уйти в отрыв.
Сойдет и справедливость для разбега.
Дальше уже своим ходом.
Ненависть. Ненависть.
Ее лицо искажено
экстазом обладания.

Ах, эти другие чувства –
раззявы и доходяги.
С каких это пор братство
способно собрать толпы?
Дошло ли хоть раз сочувствие
первым до финишной ленты?
А многих, что ли, поднимет в атаку сомнение?
Одна она поднимет, зная, что почем.

Способна, неглупа, трудолюбива.
Не говоря уж о том, сколько сложила песен.
Сколько страниц истории пронумеровала.
Сколько ковров из людей порасстилала
на стольких площадях, стадионах.

Признаем же:
умеет сделать нам красиво.
Прекрасны зарева ее во тьме ночной.
Чудесен взрыв на розовой заре.
И не откажешь в пафосе руинам,

а во фривольном юморе —
колонне, торчащей твердо среди них.

Виртуозно владеет контрастом
между грохотом и безмолвием,
между алой кровью и белым снегом.
А главное, не скучен ей все тот же
сюжет с палачом-педантом
над оскверненной жертвой.

К новым свершеньям в любое время готова.
Есть резон подождать? Она подождет.
Говорят, мол, слепа. Слепа?
С ее зрением только в снайперы,
и глядит без боязни в грядущее
— лишь она.

Лесное моралите

В лес он ныряет,
а верней, растворяется в нем,
зная весь напролет, на птичий облет,
на отлет дальний и прилет ранний.

Привольно ему на привязи вяза,
в прохладных анфиладах,
зеленых аркадах,

в тиши, порошащей уши
и крошащейся тут же.

Всё здесь созвучно,
словно в присказке детской.
Между грибом и грабом
по-свойски он, по-соседски.

Породы, недороды – разбирает сходу,
кто с кем связан, кому чем обязан,
откуда что взялось, стволами сплелось,
пробилось насквозь.

Знает, где пусто, где густо,
кто важен, кто отважен,
к чему туча над кручей,
а валежник влажен.

Что за козявки в травке, в овражке, в канавке,
чей скок-поскок, на́ сторону, вбок,
клен ли тут, паслен, роза ли, береза,
только смерть здесь бубнит
презренною прозой.

Видел, как шажком, пешком,
стёжки краешком,
мелькнула и канула
красота несказанная,

хоть и божественная, но вполне естественная.

Знает, где шпили небо пробили,
а где клубней барокко,
что там дрозд, а тут клёст,
при сороке сорока,
и что на вырубке, дай срок,
станет на дыбки дубок.

Ну и, понятно, потом обратно,
через полянку-обманку,
уж не ту, что видал спозаранку.
И на́ людях только берет его зло:
всяк ему нехорош, кто с похожими не схож.